

УДК 343.9

С.С. Босхолов

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ИДЕЙНАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

АННОТАЦИЯ. Основной задачей данной работы является изложение в тезисном формате концептуальных положений криминологической безопасности, которая в криминологии обоснованно оценивается как комплексная научная категория и реальный социальный феномен. Криминологическая безопасность рассматривается в качестве идейной основы и концепции современной российской уголовной политики, призванной задать новый и подлинно гуманистический вектор развития теории и практики противодействия преступности. Автор считает, что развитие теоретических положений криминологической безопасности привело к появлению в рамках национальной безопасности отдельного направления — криминологической безопасности, структурно входящей в государственную и общественную безопасность.

В статье даются определение криминологической безопасности и характеристика ее функций, анализируются внутренние и внешние угрозы криминологической безопасности. Аргументируется вывод о том, что криминологическая безопасность оформилась в частную криминологическую теорию и важную составную часть национальной безопасности.

Приведены показатели и тенденции преступности за период с 1991 по 2020 гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Безопасность, криминологическая безопасность, вызовы и угрозы криминологической безопасности, преступность, факторы преступности, социальные последствия преступности, государственная (уголовная) уголовная политика, система противодействия преступности, стратегия и тактика противодействия преступности.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 27 июня 2021 г.; дата принятия к печати 19 июля 2021 г.; дата онлайн-размещения 31 августа 2021 г.

S.S. Boskholov

*Baikal State University,
Irkutsk, Russian Federation*

CRIMINOLOGICAL SECURITY AS THE IDEOLOGICAL BASIS OF THE THEORY AND PRACTICE OF COUNTERACTING CRIME

ABSTRACT. This work aims mainly at presenting the basic concepts of criminological security in the note form, which is reasonably evaluated as a complex scientific category and a real social phenomenon in criminology. Criminological security is considered to be the ideological basis and concept of the modern Russian criminal policy, made to set a new and truly humanistic vector for the development of the theory and practice of counteracting crime. The author believes that the development of the theoretical concepts of the criminological security has led to the emergence of a separate direction within the framework of national security — criminological security, which is structurally a part of the state and public security.

The article defines criminological security and characterizes its functions, analyzes internal and external threats to criminological security. The idea that criminological security has formed into a private criminological theory and is an important component of the national security is proved.

The indicators and trends of crime for the period from 1991 to 2020 are given.

KEYWORDS. Security, criminological security, challenges and threats to criminological security, crime, crime factors, social consequences of crime, state (criminal) criminal policy, crime prevention system, strategy and tactics of crime prevention.

ARTICLE INFO. Received June 27, 2021; accepted July 19, 2021; available online August 31, 2021.

В криминологии, как и в любой крупной общетеоретической науке, с ее дальнейшим поступательным развитием и расширением охвата исследуемых проблем происходит объективный процесс зарождения в ее рамках новых частных теорий. Таким образом появились в конце прошлого столетия следующие частные теории: *семейная криминология*, исследующая закономерности развития противоправного поведения и преступности в семейных отношениях (Д.А. Шестаков) [1, с. 337–374], *политическая криминология*, исследующая закономерности взаимосвязи преступности и политики (В.Н. Бурлаков, П.А. Кабанов, Д.А. Шестаков) [2–5].

Особенно бурный процесс появления и развития в рамках криминологии новых частных теорий происходит в современный период времени. В начале 2000-х гг. появились такие частные теории, как *криминопенология*, исследующая закономерности и факторы воспроизводства преступности в местах лишения свободы (О.В. Старков) [6], *криминопедагогика*, исследующая закономерности и особенности преступности, имеющие религиозный характер (Л.Д. Башкатов, Г.Л. Касторский, О.В. Старков) [7; 8]. К числу новейших частных криминологических теорий можно отнести такие, как *криминология уголовного закона*, исследующая проблемы криминологической обоснованности уголовного закона (Н.Ф. Кузнецова, С.Ф. Милуков, В.Н. Орлов, Ю.В. Трунцевский, Д.А. Шестаков) [9–12], *цифровая криминология*, исследующая закономерности преступности в сфере информационно-технологических коммуникаций (В.С. Овчинский), [13], *криминология глобализма*, исследующая закономерности и особенности преступности, связанные с идеологией глобализма и процессами глобализации (В.В. Лунеев, С.В. Максимов, Д.А. Шестаков, С.С. Босхолов) [14; 5; 15].

На проблемы криминологической безопасности впервые было обращено внимание еще в конце 90-х гг. в работе М.М. Бабаева и В.В. Плешакова «Теоретические и прикладные проблемы обеспечения криминологической безопасности» [16]. Однако живого научного интереса идея криминологической безопасности тогда не вызвала. Их активное исследование началось несколько позднее в связи с резко возросшим интересом ученых и практиков различных отраслей науки (геополитики, военной науки, политологии, правоведения, социологии, экономики и др.) к проблемам обеспечения национальной безопасности России. На этот процесс большое влияние оказали указы Президента РФ, вводившие в действие Стратегии национальной безопасности (2009, 2015 и 2021 гг.), которыми определялась государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности¹.

В этих условиях объективно возросла активность ученых в исследовании проблем обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Появился целый ряд крупных работ, посвященных исследованиям различных аспектов национальной безопасности, в том числе И.Я. Богданова, С.С. Босхолова, А.П. Калинина и Ю.Н. Родионова, В.А. Богомолова, А.В. Возженникова, Л.П. Гончаренко и Ф.В. Акулиной, М.Ю. Зеленкова, С.Г. Кара-Мурзы, В.А. Литвинова, А.Б. Логунова, С.В. Максимова, А.Ю. Мамычева и П.П. Баранова, Н.А. Нартова, А.И. Овчинникова, В.К. Сенчагова, Е.Н. Хазова и Н.Д. Эриашвили, А.В. Шободоевой и др.

Этому способствовало и то, что начиная с 2012 г. в отдельных юридических вузах, стала преподаваться новая учебная дисциплина «Основы теории национальной безопасности», а в экономических вузах — «Экономическая безопасность».

Автором данной работы в течении 10 лет осуществлялось преподавание «Основ теории национальной безопасности» и проведение научных исследований проблем обеспечения национальной безопасности. Было подготовлено учебное пособие для студентов юридических вузов «Основы теории национальной безопасности России» в двух частях (общей и особенной), а также монография «Национальная

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс».

безопасность России: теоретико-правовой и прикладной аспекты» [17; 18], в которой значительное внимание уделено проблемам обеспечения криминологической безопасности.

Серьезным толчком к дальнейшей разработке проблем обеспечения криминологической безопасности послужила монография М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина «Проблемы российской уголовной политики», в которой на базе идей криминологической безопасности был разработан проект «Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации» [16, с. 279–292]. В этой работе криминологическая безопасность рассматривается как *идейная основа и новая (не обновленная, как особо подчеркивается авторами) парадигма уголовной политики*.

Отсюда в основе концепции уголовной политики, по их мнению, должна лежать *четкая криминологическая идея, способная сфокусировать в себе, что может стать главной и вместе с тем интегральной целью и стимулом деятельности в сфере соответственно уголовного права и процесса, уголовно-исполнительного права, ОРД. И суть этой идеи — криминологическая безопасность. Соответственно, базой новой уголовной политики, ее стержнем следует сделать концепцию криминологической безопасности (безопасности от криминальных угроз)* [там же, с. 118–119].

С такой высокой оценкой концептуального и методологического значения криминологической безопасности нельзя не согласиться. Вместе с тем мы полагаем, что криминологическая безопасность не ограничивается этим. В настоящее время криминологическая безопасность уже стала как составной частью национальной безопасности, так и новой частью криминологической теорией, о чем было заявлено на XI Российском конгрессе уголовного права в 2018 г. [19, с. 321–325]. Как составная часть национальной безопасности криминологическая безопасность структурно входит в государственную и общественную безопасность. В связи с этим стратегические цели государственной и общественной безопасности являются таковыми и для криминологической безопасности. К ним Стратегия национальной безопасности относит защиту конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защиту населения и территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Применительно к криминологической безопасности особенность ее стратегических целей заключается в том, что они направлены на защиту данных национальных интересов и стратегических национальных приоритетов *от криминальных угроз* и, прежде всего, *от преступности и иных правонарушений*.

К числу наиболее опасных угроз национальной безопасности в целом и криминологической безопасности, в особенности относятся:

– деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти и местного самоуправления, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершение актов ядерного терроризма и кибертерроризма;

– деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию

внутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование гибридных войн и «цветных» революций, разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

– деятельность преступных сообществ, организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия и боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции торговлей людьми и человеческими органами;

– деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе;

– преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной, экономической, экологической, культурной и информационной безопасности;

– коррупция, являющаяся одним из главных препятствий устойчивому политическому, экономическому и социальному развитию России и реализации стратегических национальных приоритетов.

Обоснование и развитие идеи криминологической безопасности как основы современной уголовной политики вынуждает нас вновь обратиться к давней дискуссии в криминологии о преступности. Как известно, в криминологии существуют различные взгляды на понятие преступности как социального феномена. По существу классическим является определение преступности как относительно массового, исторически изменчивого, общественно опасного явления, слагающегося из совокупности (системы) преступлений, совершаемых в соответствующем государстве (регионе, территории) преступлений за тот или иной период времени (С.Е. Вицин, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский) [20, с. 63].

Распространенным является определение преступности как «социально-правового, исторически изменчивого негативного массового явления, которое складывается из совокупности совершаемых в тот или иной период в государстве (регионе, мире) преступлений, характеризующихся количественными (состоянием, динамикой и качественными (структурой и характером преступности) показателями» [21, с. 58].

Новаторским является определение преступности, предложенное Д.А. Шестаковым, который опираясь на семантический подход и, исходя из смысла слова «преступность», сформулировал преступность как «свойство человека, социального института, общества отдельной страны, глобального общества воспроизводить множество опасных для окружающих людей деяний, проявляющихся во взаимосвязи преступлений и их причин, поддающееся количественной интерпретации и предопределяющее введение уголовно-правовых запретов» [1, с. 136]. Надо отметить, что далеко не всеми криминологами этот подход был принят с интересом и воспринят если не положительно, то должным образом уважительно, как это и должно быть в квалифицированном научном сообществе. Полагаем, что это следует скорее относить к странному заблуждению видеть в новом прогрессивном подходе профессора Д.А. Шестакова лишь проявление его сугубо личных научных взглядов и интересов, а не необходимое и неизбежное отражение исторически сложившегося состояния криминологической науки, нуждающейся в пересмотре отдельных ее теоретических положений. В том числе и на преступность. Еще выдающийся итальянский криминолог Энрико Ферри, отмечая цели своей позитивистской школы уголовной социологии писал, что «в практической области она ставит себе целью *уменьшение преступлений*, повсюду возрастающих в их числе; в области же теории она имеет в виду для достижения своей практической цели

всесторонне изучить преступление не как абстрактное юридическое явление, а как действие человеческое, как естественное и социальное явление» [22, с. 71].

Применительно к идее криминологической безопасности этот подход представляется заслуживающим внимания, так как преступность в его рамках рассматривается как явление также естественное, имманентно присущее любому обществу, с которым действительно нужно бороться, в особенности с наиболее опасными ее проявлениями (терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью, тяжкими насильственными преступлениями и др.), но и сосуществовать с нею, стремиться обеспечить безопасность личности, общества и государства мерами не карательного характера, активизировать профилактический потенциал субъектов противодействия преступности и всего общества в целом, минимизировать свойство личности, общества и государства воспроизводить преступления и преступность.

В этой связи правы М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин, когда утверждают, что «государство и общество наделены двумя естественными и неотделимыми, как два полюса магнита, свойствами: воспроизводить криминальные угрозы и противодействовать им. И то и другое — неизбежность. Нет идеальных социумов. Значит, неизбежен негатив, в том числе криминогенный. Но, к счастью, существует и свойство воспроизводить систему сопротивления криминальным угрозам, имманентное любому обществу, противостоять противоправным действиям со стороны различного рода преступников. Без него общество перестало бы существовать. Баланс этих свойств — естественная предпосылка выживания социума» [16, с. 125–126]. Ключевым положением здесь является баланс между опасностью криминальных угроз и мерой противодействия им. Однако многовековая практика противодействия преступности свидетельствует о том, что именно такого баланса редко удавалось достигнуть где-либо и когда-либо. Тем не менее, главной целью криминологической безопасности он, безусловно, должен являться.

В этом, на наш взгляд, и состоит научное и, в особенности, прикладное значение концепции преступности Д.А. Шестакова, из которой вытекает важнейший вывод о неизбежном *сосуществовании* социума с преступностью и цивилизации государственной реакции на нее.

К числу актуальных проблем обеспечения криминологической безопасности относится определение ее состояния, количественных и качественных характеристик преступности. После распада Советского Союза Российскую Федерацию накрыл глубокий системный кризис всех основных жизненно важных сфер общества и государства (политической, экономической, социальной, правовой, информационной, культурной, духовно-нравственной). Разумеется, все это имело крайне негативные последствия и на состояние преступности, а также на уровне и качестве работы системы противодействия преступности. В этот период времени (1992–2000 гг.) развитие преступности и реакции на нее характеризовалось следующими негативными тенденциями и показателями:

– начали увеличиваться темпы прироста преступности, опережая темпы прироста населения, о чем прямо свидетельствует анализ динамики коэффициента преступности. Если в 1990 г. он составлял 983 преступления в расчете на 100 тыс. чел., в 1995 г. уже 1 770, то к 2000 г. он достиг рекордного показателя в 2 033,5 ед., т.е. иными словами, увеличился в 2 раза;

– вместе с ухудшением количественных показателей преступности произошло ухудшение и качественных ее показателей. В частности, если в 1990 г. доля тяжких преступлений составляла всего 15 % в структуре преступности, то к 2000 г. она возросла до 60 %, т.е. увеличилась практически в 4 раза! Правда, в новом УК РФ 1996 г. произошло увеличение доли тяжких преступлений с 16 до 29 %;

– начали стремительно расширяться масштабы организованной преступности, которая усилила свое влияние не только на экономическую сферу, но и на политическую, происходило сращивание организованной преступности с коррумпированным бизнесом и коррумпированной властью;

– нарастала корыстная криминализация представителей разных социальных групп и слоев населения. По образному выражению В.В. Лунеева, «происходило общее «окорыствование» общественных (экономических, социальных, политических, правовых) отношений, характеризующееся тем, что корыстолюбие, дикость и примитивность человеческого поведения проявилась в настоящее время еще в большей мере, чем в прошлые века, и стали нормой в нашу претендующую на цивилизованность эпоху. Надежды на то, что прогресс, основанный на научно-техническом, демократическом, социальном и экономическом развитии приведет к облагораживанию мотивации человека не оправдываются» [23, с. 392];

– отмечалось серьезное ослабление защиты национальных внешнеэкономических интересов страны. Россия превратилась в поле деятельности транснациональных преступных сообществ и организаций, преследующих установление контроля над природными, финансовыми, техническими и иными ресурсами страны;

– крайне опасный характер приобрел терроризм, в особенности международный терроризм, который на Северном Кавказе превратился в угрозу российской государственной, ее территориальной целостности, т.е. основам национальной безопасности Российской Федерации;

– в системное и крупномасштабное зло превратилась коррупция, разлагающая власть и общество;

– усиливалось рассогласование уголовного законодательства и практики его применения, в особенности в сфере обеспечения экономической безопасности страны, выразившееся в частности, в совершенно неоправданной и криминологически необоснованной либерализации уголовно-правовой политики;

– произошло разрушение прежней советской системы общего и специального предупреждения преступности и иных правонарушений, отчуждение населения и граждан от участия в профилактике преступлений;

– правоохранительные органы начали утрачивать контроль над криминальной ситуацией в стране и регионах.

Следующий период (2000–2100 гг.) сохранил за собой практически все негативные тенденции предыдущего, в том числе и по показателям преступности. Пик зарегистрированной преступности в России был зафиксирован в середине этого периода, в частности, в 2006 г., достигнув отметки в 3,8 млн преступлений. Продолжилось ухудшение и качественных показателей преступности. Особую тревогу у криминологов вызвали следующие негативные тенденции: значительный рост числа преступников, не имеющих постоянного источника доходов — до 56 % в структуре всех выявленных лиц (*люмпенизация*) преступности; рост числа женщин, совершивших преступления — с традиционных в советские годы 8–10 % до 15 % (*феминизация преступности*); рост числа несовершеннолетних преступников — до 10–11 % (омоложение) преступности; рост числа преступников, совершивших преступные деяния в состоянии алкогольного опьянения — до 19,5 % (*алкоголизация*) преступности.

Несмотря на значительный рост теневой экономики, утечку капитала за границу, превращение коррупции во всеобъемлющее и всепроникающее зло, угрожающее криминологической безопасности, происходит заказная либерализация уголовного законодательства в сфере борьбы с коррупцией. Из УК РФ была исключена конфискация имущества, являющаяся общепризнанным эффективным наказанием за взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями и

другие тяжкие преступления. Видный ученый-криминолог профессор Э.Ф. По-бегайло прямо заявил, что исключение конфискации из УК носило заказной ха-рактер и назвал источники этого заказа: вороватое российское чиновничество и экономический криминалитет [24].

Если называть вещам своими именами, заказчиками этой акции было не про-сто вороватое российское чиновничество и экономический криминалитет. Уж слишком обобщенно они обозначены. Заказчиками выступили коррумпирован-ные лица в высших эшелонах российской власти и крупного бизнеса. А Государ-ственная Дума стала послушным ее исполнителем, что серьезное подорвало ее репутацию.

Современный период по основным показателям преступности можно охарак-теризовать как более лучший, нежели предыдущие. Были достигнуты действи-тельно серьезные сдвиги в борьбе с таким наиболее опасным видом преступности, как терроризм. Общество уже не живет под постоянным страхом террористиче-ских актов. Борьба с коррупцией стала носить более активный и наступательный характер. Реальные наказания стали получать высокопоставленные чиновники федерального и регионального уровня (министры, губернаторы, мэры, депутаты). Однако до существенных позитивных сдвигов в обеспечении криминологической безопасности еще далеко. У большинства российских граждан нет ощущения безопасности и надлежащей защищенности от преступных посягательств на их жизнь, здоровье, имущество и другие охраняемые уголовным законом ценности.

Довольно большое снижение объема регистрируемой преступности с 3,8 млн преступлений до 2,3 — 2,5 млн преступлений, регистрируемых в последние годы, вряд ли следует относить к реальным успехам в противодействии преступности. Скорее всего, они связаны со снижением активности правоохранительных орга-нов в сфере уголовно-правовой борьбы с преступностью, а также возросшим уров-нем латентной преступности, в том числе как естественной латентности, так и искусственной.

Многочисленными криминологическими исследованиями доказано, что реаль-ный масштаб преступности намного выше ее регистрируемой части. Так, иссле-дованиями К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Л.В. Кондратюка, проведенными в 2001 г., был установлен примерный объем фактической преступности в 25 млн криминальных деяний, совершаемых ежегодно [25, с. 10–11]. Современный ана-лиз латентной преступности, проведенный под руководством С.М. Иншакова, по-зволил сделать предположение, что фактический объем преступности в 5–7 раз превышает объем зарегистрированной преступности, т.е. равняется примерно 15–20 млн преступлений [26, с. 6]. Такого рода оценки криминологов, к сожалению, не воспринимаются должным образом в органах федеральной власти, руковод-ством правоохранительных органов. Более того, к ним относятся не только с недо-верием, но и с большим негодованием. Выходит, что власти не хотят и не желают знать правду о реальном состоянии преступности в стране и в ее регионах. Им удобно опираться на данные о зарегистрированной преступности и делать радуж-ные для себя выводы о том, что преступность находится под контролем, которые на самом деле не имеют под собой никаких оснований.

Активные научные исследования проблем криминологической безопасности привели в конечном итоге к возникновению в рамках криминологии нового на-правления — *частной теории криминологической безопасности*, имеющей свой предмет, цели и задачи, функции. Рассмотрим их вкратце.

Предмет теории криминологической безопасности. Поскольку каждая от-расль научного знания, претендующая на статус самостоятельной науки или част-ной теории, исследует определенные закономерности, теория криминологической

безопасности исследует закономерности, имеющиеся в сфере обеспечения криминологической безопасности. К таковым, в частности, можно отнести: закономерности возникновения вызовов, опасностей и угроз криминологической безопасности; закономерности формирования и функционирования системы обеспечения криминологической безопасности; закономерности во взаимосвязях между теорией криминологической безопасности и криминологией, теорией национальной безопасности и другими науками, в том числе уголовным правом, уголовно-исполнительным правом, уголовным процессом, криминалистикой, теорией оперативно-розыскной деятельности и др.

Таким образом, в сжатом и концентрированном виде предмет теории криминологической безопасности составляют закономерности угроз криминологической безопасности и противодействия им.

Целью теории криминологической безопасности является изучение, исследование указанных закономерностей.

К числу *задач* теории криминологической безопасности можно отнести:

- прогнозирование, выявление и определение угроз криминологической безопасности;
- определение проблемных ситуаций в деятельности системы обеспечения криминологической безопасности;
- разработку стратегии (концепции) обеспечения криминологической безопасности;
- определение основных направлений обеспечения криминологической безопасности.

Функциями криминологической безопасности являются: *познавательная функция; прогностическая функция; идеологическая функция; аксиологическая функция; управленческо-организационная функция и просветительно-воспитательная функция.*

Познавательная функция связана прежде всего с изучением и исследованием закономерностей угроз криминологической безопасности и противодействия им. В целях глубокого понимания и научного объяснения различных аспектов и вопросов криминологической безопасности следует использовать весь арсенал общенаучных методов: анализ и синтез, индукция и дедукция, исторический метод, сравнительный анализ, структурно-системный подход и др. Активно применяются социологические методы исследования: анализ документов, опрос, эксперимент, статистические методы, социометрические методы, психологическое тестирование и т.д.

Прогностическая функция тесно связана с познавательной, так любые криминологические исследования проводятся во многом для того, чтобы составить более или менее точный прогноз о состоянии преступности, факторах ее развития, социальных последствиях и т.д. Применительно к криминологической безопасности важное значение имеет прогнозирование угроз, их возникновение и развитие, выработка на этой основе упреждающих мер противодействия этим угрозам.

Идеологическая функция теории криминологической безопасности имеет чрезвычайно важное значение. Ее реализация имеет сложности, связанные с конституционным запретом на государственную идеологию (ст. 15 Конституции РФ), который был навязан политиками и учеными-теоретиками западного либерального круга в период подготовки проекта Конституции РФ. Между тем без общепринятой идеологии не может существовать и развиваться суверенная Россия, не может быть единым и сплоченным ее многонациональный народ.

Под идеологией нами понимается система философских, политических, правовых, культурных, нравственных, религиозных взглядов и идей, разделяемых

большинством многонационального и многоконфессионального народа Российской Федерации. В них осознается и оценивается отношение людей друг к другу, обществу и государству, к своим правам и обязанностям, к традиционным российским духовно-нравственным ценностям как основам российского общества. В них также осознается уважение к закону, отношение к преступности и иным правонарушениям, к деятельности правоохранительных органов.

Аксиологическая функция, или *оценочная*, как правило рассматривается как составная часть функции идеологической. Однако в современных условиях, как нам представляется, она должна быть выделена и рассматриваться уже как самостоятельная и важная функция как для отдельных наук, так и частных теорий.

Поскольку криминологическая безопасность является составной частью национальной безопасности, аксиологическая функция становится актуальной в связи с тем, что в настоящее время против России развязана информационная война, в рамках которой осуществляются массированные атаки как извне, так и изнутри на традиционные российские духовно-нравственные ценности и базовые устойчивости российского государства и общества, в том числе социальную справедливость и безопасность, коллективизм и солидарность, равенство и свободу. Отсюда аксиологическая функция теории криминологической безопасности заключается в том, чтобы имеющимися в ее арсенале средствами и методами защищать эти ценности, не допускать разрыва между ними. Не надо забывать, что именно ценностные надломы и разрывы приводили в России к крупным социальным потрясениям (Великая русская революция 1917 г., распад СССР в 1991 г.), вызвавшим глобальные тектонические сдвиги во всем мире.

Управленческо-организационная функция состоит в разработке научно обоснованных предложений и рекомендаций по повышению эффективности деятельности системы обеспечения криминологической безопасности. Управление в сфере противодействия преступности имеет свои специфические особенности и сложности. Перед правоохранительными органами стоят задачи по обеспечению должного уровня безопасности личности, общества и государства от криминальных угроз с минимально возможными затратами. При этом крайне важно, как уже отмечалось выше, соблюдать баланс между степенью опасности криминальных угроз и остротой реакции на них. А это можно достигнуть, при прочих равных условиях, только при высокой организации управления процессами противодействия преступности на всех уровнях. К примеру, от МВД РФ, МВД субъектов РФ до территориальных горрайорганов внутренних дел.

Просветительская функция теории криминологической безопасности вытекает, прежде всего, из просветительской функции материнской науки — криминологии. Она состоит в том, чтобы распространять криминологические знания о преступности и ее факторах, личности преступников, направлениях и мерах противодействия преступности, которые помогают позитивно влиять на положение дел в этой сфере. При этом криминология обязана нести в массы правдивую информацию обо всем этом. Правда о криминологических реалиях особенно нужна властям на всех ее уровнях: федеральном, региональном и местном. У них должно быть понимание проблем криминологической безопасности, знание приоритетов противодействия преступности, а также навыки криминологического мышления, под которой понимается «разновидность интеллектуальной деятельности, состоящая в решении определенного класса мыслительных задач формирования современной уголовной политики на основе использования достижений криминологической науки и практического опыта борьбы с криминалом, знания, понимания и учета криминологических закономерностей, способности выбора надлежащей стратегии борьбы с преступностью и оценки ее эффективности» [16, с. 85].

В свою очередь, общество и граждане должны также обладать необходимым минимумом криминологических знаний для того, чтобы своевременно и надежно обезопасить себя от различного рода угроз и посягательств криминального характера.

Принципы криминологической безопасности. В Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» содержится перечень принципов безопасности (ст. 3). Основываясь на них, предлагаем следующий перечень принципов криминологической безопасности:

- соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;
- законность;
- криминологическая обоснованность законов и иных нормативных правовых актов;
- приоритет предупредительных мер при обеспечении криминологической безопасности;
- комплексность и системность применения органами государственной власти и местного самоуправления, правоохранительными органами мер противодействия преступности;
- взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления, правоохранительных органов с общественными объединениями, институтами гражданского общества и гражданами в целях обеспечения криминологической безопасности.

Список использованной литературы

1. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник / Д.А. Шестаков. — 2-е изд., перераб. и доп. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. — 561 с.
2. Кабанов П.А. Политическая криминология (программа курса) / П.А. Кабанов. — Нижнекамск : Изд-во МГЭИ, 1998. — 16 с.
3. Бурлаков П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение / П.А. Бурлаков. — Нижнекамск : Изд-во МГЭИ, 2000. — 244 с.
4. Политический режим и преступность. Проблемы политической криминологии / В.Н. Бурлаков, Д.А. Шестаков, Я.И. Гишинский [и др.] ; под ред. В.Н. Бурлакова. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. — 365 с.
5. Шестаков Д.А. Преступность политики. Размышления криминолога / Д.А. Шестаков. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2013. — 223 с.
6. Старков О.В. Криминология. Теория и практика : учебник / О.В. Старков. — 2-е изд. пераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2014. — 641 с.
7. Касторский Г.Л. Новое понимание преступности и криминология религии / Г.Л. Касторский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2002. — № 4 (5). — С. 237–239.
8. Старков О.В. Криминология / О.В. Старков, Л.Д. Башкатов. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. — 384 с.
9. Криминология : учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ю.Н. Аргуновой. — Москва : Зерцало, 2001. — 201 с.
10. Милюков С.Ф. Криминология уголовного закона / С.Ф. Милюков // Криминология-XX век / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2000. — С. 177–198.
11. Трунцевский Ю.В. Российское уголовно-превентивное право и признаки отрасли // Российский криминологический взгляд. 2010, № 3;
12. Шестаков Д.А. Преступность политики: размышления криминолога / Д.А. Шестаков. — Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2013. — 223 с.
13. Овчинский В.С. Криминология цифрового мира : учебник / В.С. Овчинский. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. — 351 с.
14. Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность : монография / В.В. Лунеев. — Москва : Норма, 2017. — 270 с.

15. Босхолов С.С. Глобальная олигархическая власть как угроза национальной безопасности / С.С. Босхолов // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. — Иркутск, 2016. — С. 24–32.
16. Бабаев М.М. Проблемы российской уголовной политики / М.М. Бабаев, Ю.П. Пудовочкин. — Москва : Проспект, 2017. — 291 с.
17. Босхолов С.С. Основы теории национальной безопасности России : учеб. пособие. В 2 ч. / С.С. Босхолов. — Иркутск : Иркут. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2019. — 2 ч.
18. Босхолов С.С. Национальная безопасность России: теоретико-правовой и прикладной аспекты : монография / С.С. Босхолов. — Москва : Проспект, 2021. — 456 с.
19. Босхолов С.С. Криминологическая безопасность как составная часть национальной безопасности и новая частная криминологическая теория / С.С. Босхолов // Обеспечение национальной безопасности — приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики : материалы XI Рос. конгресса угол. права. — Москва, 2018. — С. 321–325.
20. Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. — Москва : Изд-во МГУ, 1994. — 413 с.
21. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. — 4-е изд. перераб. и доп. — Москва : Наука, 2009. — 734 с.
22. Ферри Э. Уголовная социология / Э. Ферри. — Москва : ИНФРА-М, 2005. — 657 с.
23. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии : учебник. В 2 т. / В.В. Лунеев. — Москва : Юрайт, 2011. — Т. 1 : Общая часть. — 1002 с.
24. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики / Э.Ф. Побегайло // Уголовное право. — 2004. — № 4. — С. 112–117.
25. Горяинов К.К. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции / К.К. Горяинов, В.С. Овчинский, Л.В. Кондратюк. — Москва : Инфра-М, 2001. — 48 с.
26. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности : монография / под ред. С.М. Иншакова. — Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2013. — 839 с.

Информация об авторе

Босхолов Сергей Семенович — доктор юридических наук, профессор, кафедра уголовного права и криминологии, заслуженный юрист Российской Федерации, Байкальский государственный университет. г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: sboskholov@yandex.ru.

Author

Sergey S. Boskholov — D.Sc. in Law, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Honorary Lawyer of Russian Federation, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: sboskholov@yandex.ru.

Для цитирования

Босхолов С.С. Криминологическая безопасность как идейная основа теории и практики противодействия преступности / С.С. Босхолов. — DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(3).30 // *Baikal Research Journal*. — 2021. — Т. 12, № 3.

For Citation

Boskholov S.S. Criminological Security as the Ideological Basis of the Theory and Practice of Counteracting Crime. *Baikal Research Journal*, 2021, vol. 12, no. 3. DOI: 10.17150/2411-6262.2021.12(3).30. (In Russian).